

МАСТЕР

К 75-летию Никиты
БОГОСЛОВСКОГО

СУББОТА, 21 МАЯ,
1 ПРОГРАММА, 19.45

Он может все. И оперу, и оперетту, и концерт, и балет, и для кино (говорят, он рекордсмен киномузыки), и для театра, и романс, может и песню, и все остальное. Еще он журналист и писатель — пишет книги и статьи. Пишет патетически-строко, пишет едко-иронично, то фельетоном обрушится на головотяпство в искусстве, особенно в исполнительском цехе, то выпустит из рук такого пересмешника, что враз окрест снежным комом убийственные байки...

Листаю то, что написал за двадцать пять лет об этом человеке. Вот первый повод для встречи: ему пятьдесят. Спрашиваю о первых музыкальных впечатлениях. Выясняется, что к музыке пришел он рано, но пришел как-то чудно — через нелюбовь к ней. А лет в девять-десять вдруг так крепко уселся к роялю, что и по сей день не оторвешь. Говорю ему тогда: да вы, Никита Владимирович, из вундеркиндов, выходит. Вы, говорю, как только окунули руки в клавишное тесто, так сразу и стали блины сочинительские печь... Он посмотрел сурово и такой выдал монолог и про вундеркиндство, и про «блины», и про то, сколько, как и у кого он учился, что теперь, когда я слышу слово «вундеркинд», оглядываюсь: не стоит ли за спиной maestro Богословский?

Сейчас, после двадцати пяти лет нашего «сотрудничества», еще более обострилось желание разгадать этого художника, этого человека, который, как старшина, заставляет тебя подтянуться, собраться и стать самим собой. Сегодня у него юбилей, и нужно постараться говорить только правду.

Так вот, две вещи подсказывает мне о нем мой журналистский и мой слушательский опыт: во-первых, Богословский все время как бы стесняется

своего удивительного дара, собственного мгновенно откликаться на жизненные проблемы и расцениваться без всякого ущерба по жанровым руслам, а во-вторых, человек он, несмотря ни на что, на редкость романтичный и нежный, да и до такой степени, что часто вынужден это прятать в складках сарказма, шутки, иронии.

Песенной чистотой, хрупкостью нездешней красоты веют темы его симфонии и оперетт, инструментальной музыки и оперной. И он подчас, кажется, намеренно заковывает все это в латы современных средств, иной раз жестких, этаких «головных», конструктивных форм, чтобы опять и опять прогнать от себя при-

родную сентиментальность, о которой нынче, к сожалению, отчего-то принято говорить

только с усмешкой снисходительности.

Возможно, вы, Никита Владимирович, вовсе иной, чем мне кажется. Мастер имеет право на собственную тайну. Но отчего все преследуют меня ваши мелодии? Отчего заставляют бросить неотложное, замереть и вспоминать о чем-то надежном, простом и добром, как улыбка отца...

Как-то (лет пятнадцать тому) прихожу к приятелю-пианисту. Он печален. Он сидит у рояля и, не переставая, наигрывает одно и то же — мелодию Богословского «Три года ты мне снилась». Не просто играет — импровизирует, движет причудливо мелодию, словно пытается оторваться от нее и, как жаждущий путник от кружки с водой, не может. Я пытаюсь отвлечь его новостями. Он продолжает мучить себя песней. Я говорю: «Да сыграй ты что-нибудь другое из того же Богословского. «Темную ночь», что ли, «Песенку Джени» или «Любимый город». Он упрямо продолжает играть. И я, помнится, уже и сам попадаю в плен мелодии, и начинается сон, и все остальное как в тумане... Через несколько лет пианист стал играть «Три года...» на людях. Это был лучший его номер. Перед тем как сыграть мелодию, он говорил в зал: «А теперь самое чистое, самое нежное и самое хрупкое из того, что хранит моя музыкальная память...» И прежде чем начать, чуть ли не целую ми-

нуту сидел с вытянутыми руками, застывшими над черным белым полем клавиш...

Еще два слова накануне вашего юбилея, Никита Владимирович. Друзья познаются в беде. Это так. Но ваши друзья познавались и проверялись в красоте ваших песен. Назову только троих из премногих друзей, дарованных вам судьбой: Лемешев, Бернес, Утесов. Ваши песни они сделали своими, а со временем оказалось — нашими общими, народными... И конечно, особое место в вашей памяти друзьям-поэтам, соавторам счастливых творческих озарений... И вот — верите или нет! — на этой самой строчке телефонный звонок. Голос Николая Доризо, который написал с Н. Богословским такие песни, как «Помнишь, мама», «Давно не бывал я в Донбасе», «Романс Рождина»...

— Николай Константинович, ваше пожелание другу...

— Другу, с которым знаком почти четыре десятилетия, вот эти строчки:

*Предел моей мечты,
Предел моей фантазии
Не знаменитым быть,
солистом,
Нет!*

*А спеть хористом
Хоть один куплет
В ансамбле должжителей
Абхазии!*

В. ГУСАРОВ

Фото Н. Агеева